

ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКОВ

А. В. КОЛЬЦОВ

62

Р 31/2/2

СТИХИ

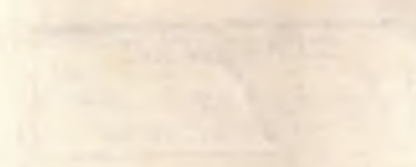
ДЕТРИЗ

72

к 62 + русск.

КНИГА
В СОХРА... В... В...

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЬЦОВ

(1809 — 1842)

I

Около ста лет тому назад книгопродавец Кашкин, хозяин единственной в городе Воронеже книжной лавки, заметил, что к нему стал часто заходить сероглазый мальчик в засаленном нагольном полушубке. Мальчик подолгу рассматривал книги, читал их и некоторые покупал. Кашкин, сам большой любитель книг, заинтересовался юным покупателем и попробовал с ним заговорить. Мальчик сначала был недовер-

чив, очень осторожно и односложно отвечал на вопросы, но потом разговорился. Оказалось, что он сын прасола (торговца скотом) Василия Петровича Кольцова и живет недалеко от книжной лавки, на Большой улице. У отца свой каменный дом, он зажиточный, известный в Воронеже торговец.

Узнал Кашкин, что Алеша (так звали мальчика) в школе учился только полтора года, а теперь уже помогает отцу в торговле: закупает с отцом скот в деревнях, ведет записи, получает деньги и часто целые месяцы проводит с гуртами скота в степях Дона, где животные откармливаются перед убоем. У отца дела много, свой помощник нужен, поэтому он взял Алешу из школы, как только тот научился грамоте.

Заговорили о книгах, которые любит читать Алеша; самые интересные для него книги — это стихи Жуковского, Пушкина, Дельвига, — вот хорошо пишут! А раньше любил сказки: увлекательные есть, например про Еруслана Лазаревича, Бову-королевича. Но стихи лучше, они как песни — и складные и красивые. На все деньги, которые Алеша по праздникам от отца получает, он покупает теперь стихи. Хорошо их заучивать и петь!

Понравился Кашкину мальчик, и он предложил ему брать из лавки книги для прочтения бесплатно. С тех пор каждый почти день стал Алеша заходить в лавку Кашкина.

Однажды, когда в лавке не было посторонних, Алеша подошел к хозяину, помялся, помялся — видно, стеснялся очень, — а потом все-таки вынул из кармана тетрадочку и показал Кашкину стихи, которые он сам написал. Стихи были нескладные. У Кашкина был учебник для поэтов о правилах писания стихов, и он подарил его Кольцову. Очень обрадовался Алеша такой нужной книге.

Так завязалась дружба у Кашкина с Алешей Кольцовым. Все стихи приносил Алеша на суд Кашкина, и долгое время воронежский книжник (книжниками раньше звали продавцов книг) был первым и единственным учителем будущего русского поэта Алексея Васильевича Кольцова.

II

Прошло несколько лет. Стихи Кольцова стали уже появляться изредка в печати, а поэт попрежнему помогал отцу в его торговом деле. С весны выезжал он на все лето в степи.

Широки и просторны нивы и луга Дона.

Раннее утро... Кольцов верхом на степной лошадке едет за гуртом скота мимо полей, на которых уже началась пахота. Медленно движутся животные по дороге. Кольцов останавливается, любителю ясным утром, ловкой работой пахарей, слушает их веселое покрякивание на лошадях. Он хорошо знает и любит тяжелый, но всегда бодрый и здоровый крестьянский труд. Приходится и самому ему косить и пахать — отец иногда снимает землю под посевы.

Теперь уже не так, как в детстве, а складно и красиво может Кольцов стихами рассказать о том, что он видит и чувствует. И о таком утре, о пахаре пишет он стихи:

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело на пашне;
Ну! тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

* * *

В степи идет мелкий дождь. Тяжелые свинцовые тучи, кажется, хотят прижаться к широкой придонской равнине. Стадо

овец и коров назялолось, бродя целый день под дождем, и теперь, сгрудившись, уныло стоит невдалеке от плохонького шалашика. На костре в котелке бурлит пшенная каша. Кольцов забрался в шалаш и лежит там, прислушиваясь к шороху капель о сухие ветки и листья, и вспоминает события последних дней. Ряд больших селений объехал он верхом, выполняя поручения отца. Все дороги шли степью...

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстиляется!..

Начался уже покос. Встают перед глазами ряды косцов, могучих русских молодцов. Хотелось и ему в ряду с ними «гулять по траве степной вдоль и поперек». Какие звуки слышатся при сильном взмахе косы: «дзз-ши, жж-жи, вз-зз-сс»! И в голове поэта складывается «пьеса» (так называет он свои стихи), губы шепчут слова, в которых звучит музыка косьбы:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,

Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошóная;
Поклонись, цветы,
Головой к земле!

Теперь Кольцов стал известным поэтом. Но пишет он мало: отец требует от него, чтобы он постоянно занимался торговыми делами, и работать над стихами поэту некогда.

III

По поручениям отца Кольцову пришлось несколько раз съездить в Москву и Петербург. Лучшие писатели и критик Белинский ласково встретили поэта-самоучку. Кольцов всей душой привязался к новым знакомым. Грустно ему только было сознавать, что по сравнению с ними он человек совсем мало образованный.

Страстно захотелось Кольцову переселиться в Петербург и учиться, много учиться — изучить русскую историю, потом естественную, всемирную, всех главных европейских писателей прочесть. Но на какие средства в Петербурге жить? За стихи платят мало, отец денег ни копейки не дает, а торговать противно: где торговля, там и подлость.

Жизнь в Воронеже становилась для поэта все более тяжелой. А тут еще болезнь привязалась — кашель мучит, знобит часто. Денег нет, даже доктору и за лекарство заплатить нечем. Вся родня против него: сестры, отец хотят, чтобы он торговал как

отец, капитал наживал, а мысли о поэзии, самообразовании, о жизни в Петербурге вон из головы выбросил.

Но Кольцов дорогой отца не пошел. Болезнь его все обострялась. Петербургские друзья, почитатели его большого таланта, пытались помочь ему. Критик Белинский звал его к себе в Петербург, но Кольцов знал, что Белинский и сам живет в большой нужде.

Осенью 1842 года в Воронеже поэт умер. Ему было всего тридцать три года.

Все рукописи Кольцова родные его продали на рынке на оберточную бумагу. С трудом люди, ценившие поэта, собрали кое-что из уцелевших, часто еще не изданных нигде, произведений.

Прошло более ста лет с тех пор, как первые стихи Алексея Васильевича Кольцова появились в печати, а поэзия его очень близка и сейчас русскому народу. Многие его стихи переложены на музыку и поются как народные песни. Особенно хороши яркие, живые стихи о полевых работах, проникнутые чувством любви к труду, радостью труда.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне;
Ну! тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,

Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,

Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого...

Ополчается
Громом, бурей,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилась,
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля дбсыта;

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из зкрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
Впору выехать.

Третью думушку
Как задумали, —
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались,
И пошли гулять
Друг за дружкой,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится.
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялись жать,
Косить под корень
Рожь высокою.

В копны частые
Снопки сложены;
От возов всю ночь
Скрипит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

СЕЛЬСКАЯ ПИРУШКА

Ворота тесовы
Растворились,
На конях, на санях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,

Со двора повели
В светлу горенку.
Перед Спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,

На сосновых скамьях
Сели званные.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горькова*;
Сам хозяин, за ней,
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Родных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым

Обносила кругом,
С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гүторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб уродит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

БОСАРЬ

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай

Село рódное!
В края дальние
Пойдет молодец:
Что вниз по Дону,
По набережью,

Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстиляется!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошбная;
Поклонись, цветы,
Головой к земле!
Наряду с травой
Вы засохните.
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне —
Денег пригоршни.

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,

Колос срезанный
Из рук валится...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОК?

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел;

И лошадок, за долг,
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И погнувшись изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь,
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях, сиротой,
Хлеб нескошен стоит.

Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшичком пьют.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,

Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту, как раз,
Нужда горькая

По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Вблизи дороги столбовой
 Ночует табор кочевой
 Сынов Украины привольной.
 В степи и пасмурно и темно:
 Ни звезд блестящих, ни луны
 На небе нет; и тишины
 Ночной ничто не нарушает;
 Порой проезжий лишь играет,
 И колокольчик почтовой,
 Звеня над тройкой удалой,
 На миг молчанье прерывает.
 Между возов огонь горит;
 На тагане котел висит;
 Чумак раздетый, бородатый,
 Поджавшись на ногах, сидит
 И кашу с салом кипятит.
 За табором невдалеке
 Волы усталые пасутся;
 Они никем не стерегутся.
 Беспечно пред огнем в кружке
 Хохлы чумазые, седые,
 С усами хлопцы молодые,
 Простершись на траве, лежат
 И вдаль невесело глядят.
 Чем чумаков прогнать дремоту?
 Давно ль утратили охоту
 Они петь песни старины?
 Чем ныне так развлечены?

ROBERT BROWN & SONS
LONDON

Бывало, часто, ночью темной,
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украины вольные сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

ЛЕС

(Посвящено памяти А. С. Пушкина)

Что, дремучий лес,
Призадумался, —
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою, —

Ты стоишь-поники,
И не ратуешь

С мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь-поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером

Грозно с бурей
Разговор пойдет:

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
Вороти назад!
Держи около!

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься;
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою, —
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?

Почернел ты весь,
Затуманился...

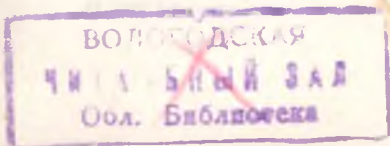
Одичал, замолк...
Только, в непогоду,
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна,
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Васильевич Кольцов	3
Песня пахаря	11
Урожай	14
Сельская пирушка	16
Косарь	18
Молодая жница	20
Что ты спишь, мужичок?	22
Раздумье селянина	24
Не шуми ты, рожь	25
Ночлег чумаков	26
Лес	28

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *В. Гакина*. Подписано к печати 24/XI 1942 г.
№ печ. л. (1,13 уч.-изд. л.). 45 120 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз.
Д10648Б. Заказ № 2523. Цена 60 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР, Москва,
Суцеский вал, 49.